

Азбуковник состоит из 36 двустижий, буквенный его ряд почти целиком повторяет буквенный ряд «Азбучной молитвы».¹⁵ Бросается в глаза и текстуальное сходство стихов названных памятников. Ясно, что автор «Азбуки покаяльной» хорошо знал стихотворение епископа Константина и следовал ему как образцу.¹⁶

Принято думать, что «Азбука покаяльная» — памятник древнеболгарского происхождения, возникший, по словам А. И. Соболевского, в пору, «когда все древние Ъ, Ъ и И еще существовали как гласные звуки и составляли слог», т. е. «никак не позднее конца X века»,¹⁷ и к тому же ориентированный на глаголицу. Подкреплялось это мнение в какой-то мере и убеждением, что русские книжники XI—XIII вв. не имели понятия о стихосложении. Однако никаких признаков азбуковника в южнославянской письменности до сих пор не обнаружено. С другой стороны, известно, что искусственное произношение редуцированных на Руси сохранялось и позже X в., в XI—XII и даже XIII столетиях.¹⁸ Знала древняя Русь и глаголицу. Что касается знакомства первых наших литераторов с правилами стихотворства, сознательного их использования, то это ныне можно сказать, установленный факт.¹⁹ Если учесть все сказанное, а также отсутствие черт, которые непременно указывали бы на Болгарию как на место сложения обсуждаемого акростиха, то категоричность традиционного суждения внушает некоторое недоверие. Иными словами, склоняясь в пользу болгарского происхождения «Ярославского азбуковника», мы не должны, до тех пор пока не будет проведен тщательный его анализ, исключать и другую возможность, тем более что памятник этот не вполне самостоятельный, а скроенный на манер «Пролога о Христе» Константина Преславского.

В богатой фактическим материалом и ценными наблюдениями работе Н. С. Демковой и Н. Ф. Дробленковой «К изучению славянских азбучных стихов» отмечается фразеологическая близость «Пролога о Христе» еще к одной «толковой азбуке» — «Аз преже о господе бозе начинаю вещати», которую они пытаются связать «с эпохой Кирилла и Мефодия и их последователей».²⁰ Исследовательницы полагают, в частности, что 8-й стих («Село бо закон его и свет стезям моим») «возможно даже... представляет собой стяжение и переработку двух строк из „Азбучной молитвы“:

¹⁵ Отличия касаются лишь 12-го стиха «Азбучной молитвы» и 12-го двустижия Азбуковника. Последний в соответствии с глаголическим алфавитом начинается с буквы «ѣ»: «Геоны и мя избави вечныя || и грозы и червьи неусыпающа» (А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 13; цитаты из памятников даются в современной орфографии). Этот факт еще раз убеждает в том, что 12-я строка «Пролога о Христе» соответствовала глаголическому «гервь», а не какому-то третьему «И». Наконец, в «Азбуке покаяльной» один дистих на «Ш».

¹⁶ Это вызвало возражения лишь у В. И. Лукьяненко, по мнению которой «Азбука покаяльная» «по своему содержанию является вполне самостоятельным произведением; по-видимому, некоторые... черты, сблизжающие ее с „Молитвой Константина философа“ (с «Азбучной молитвой», — Э. З.), являются общими стилистическими особенностями для азбучных акростихов XII—XIII вв.» (В. И. Лукьяненко. К истории русского букваря..., стр. 248). Однако сходство в выражениях обоих памятников слишком существенно, чтобы отрицать прямую зависимость одного от другого. К тому же эти «общие стилистические особенности» нигде более не проявляются.

¹⁷ А. И. Соболевский. Материалы и исследования..., стр. 4.

¹⁸ Срезневский. Материалы, т. III, столб. 1616—1617; А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства. — ТОДРЛ, т. XX, М.—Л., 1964, стр. 263—265.

¹⁹ См.: А. М. Панченко. Перспективы исследования истории древнерусского стихотворства, стр. 256—265.

²⁰ Н. С. Демкова и Н. Ф. Дробленкова. К изучению славянских азбучных стихов, стр. 47.